

Т. С. Злотникова, А. В. Фролова

«Человек массы» в современном городе

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 14–18–01833

На основе исторически сложившихся представлений о специфике массового сознания определен теоретический и эмпирический алгоритм изучения «человека массы» как субъекта восприятия городской среды и воздействия на нее. Городская среда представлена как *текст* (элемент культуры повседневности современного человека) и *контекст* (активный регулятор бытия человека). Городские улицы, по которым устремляется толпа, становятся сферой конфликта между духовным творчеством, имеющим автономный, не зависящий от окружения характер, и «суррогатами» культуры. На материале городов Архангельска, Новгорода Великого, Самары, Саратова, Омска, Ярославля выявлена специфика пребывания малых скульптурных форм в динамичной толпе. Показана специфика актуализации биологических, социальных и социально-биологических особенностей «человека массы» через *street fashion*. Мы обнаруживаем и доказываем не просто зависимость человека от названной среды, но его динамическую адаптацию и наличие у него особого взгляда на среду. Текст городской среды «прочитывается» через его основного «автора», каким мы видим «человека массы», в то время как контекст включает статичные и динамичные объекты, дополняющие, дублирующие и имитирующие этого человека.

Ключевые слова: «человек массы», городская среда, текст, контекст, скульптура, *street fashion*.

T. S. Zlotnikova, A. V. Frolova

«Man of Mass» in a Modern City

The theoretical and empirical algorithm of studying of «the person of mass» as a subject of perception of urban environment and impact on it is determined on the basis of historically developed ideas of mass consciousness specificity. The urban environment is presented as *text* – an element of culture of everyday life of the modern person, and *context* – an active regulator of the person's life. City streets, where crowds are, become the sphere of conflict between spiritual creativity having autonomous character which is independent on environment, – and culture «substitutes». Specificity of existing of small sculptural forms in a dynamic crowd are revealed on material of such cities as Arkhangelsk, Novgorod Veliky, Samara, Saratov, Omsk, Yaroslavl. Specificity of updating of biological, social and social-biological features of «man of mass» by means of *street fashion* is presented. We find and prove not only dependence of the person on the called environment, but dynamic adaptation of the person and presence of a special view of such a person on the environment. The *text* of the urban environment is read by means of his main «author», as we regard «man of mass» whereas the *context* includes static and dynamic objects which supplement, duplicate and imitate this person.

Keywords: «man of mass», urban environment, text, context, sculpture, *street fashion*.

«Человек массы» и городская среда: исходные позиции

Человек в современном российском городе – неважно, мегаполисе или провинциальном/губернском центре, старинном или относительно молодом – испытывает одинаковое воздействие со стороны массовой культуры, становясь в полном смысле «человеком массы». Такой человек в буквальном, а не только в переносном смысле приобщается к толпе, оказываясь в которой, может продемонстрировать «исчезновение сознательной личности» [6, с. 11, 39, 40]. В свою очередь, толпа/масса, по Фрейдю, «производит на отдельного человека впечатление неограниченной мощи и непреодолимой опасности» [9, с. 85]. Причем не всякий человек способен эту опасность адекватно отразить, ибо масса импульсивна, возбудима и легковерна, категорична, в силу чего в ней стирается своеобразие отдельных

людей. Признаки «человека массы» есть зеркальное отражение самой массы: ослабление интеллектуальной деятельности; снижение уровня реакций; неспособность к умеренности и отсрочке действий; склонность к гиперэмоциональности и безудержности аффектов; непременно деятельностное выражение эмоций.

Городские улицы, по которым устремляется толпа, становятся сферой конфликта между духовным творчеством, имеющим автономный, независимый от окружения характер, и «суррогатами» культуры, которые, по мысли В. Вейдле, значительно опаснее, чем прямое отрицание искусства [3, с. 280]. Современный город поневоле ставит пешехода и пассажира наземного транспорта, аборигена и приезжего, в условия, где человек «уютно огражден от волнений и рискованных соблазнов мечты» [2, с. 129].

Такова *первая исходная позиция*, на которой строится наше сугубое внимание к жителю города, его гостю, пребывающему в среде современно, в данном случае не важно, исторического или относительно «молодого» города. Один из многих, одинокий в массе, охваченный массой и влекомый ею, пытающийся отделиться от массы и врастающий в нее в силу бытовых и бытийных детерминант – это и есть тот, кого мы назвали «человеком массы» и чье присутствие в массе и в городе будет далее анализироваться.

Вторая исходная позиция касается городской среды, которая давно уже стала не просто востребованной, но популярной в исследованиях отечественных ученых. В XX в. Н. П. Анциферов был одним из первых, кто декларировал и в определенной степени осуществил идею «создать характеристику души города, под которой мы условились понимать исторически сложившееся единство всех элементов, составляющих городской организм, как *конкретную индивидуальность* <...> Когда вокруг нас развернется великолепная панорама, состоящая из каменных масс, ленты реки, зеленеющих садов, линий улиц и пятен площадей в раме полей, лугов, лесов, то плоская, то холмистая, а иногда и окаймлена цепью гор, – у нас возникнет ощущение, какое бывает при восприятии всякой конкретной индивидуальности» [1, с. 124]. Актуальность устремлений и суждений ученого не подлежит обсуждению, потому естественным является лишь напоминание об этой его идее.

После значительного перерыва, вызванного изменением приоритетов в историко-культурных исследованиях, в последние четверть века городская среда вновь стала предметом изучения отечественных исследователей, таких как В. Л. Глазычев, Э. А. Орлова, Т. М. Дридзе, Е. Я. Бурлина, групп исследователей из Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Ярославля. Но ведущая роль во многих работах уделялась материальным параметрам городской среды. Сошлемся на существенные для нас подходы к городской среде.

В. Л. Глазычев описывал *городскую среду* следующим образом: «Обжитое пространство всего города, сложенное из пространств человеческого общения – прямого или косвенного – все это городская среда» [4, с. 18]. Э. А. Орлова [7] говорит о множестве подходов к определению городской среды среди людей. Исследователь выделяет, что под городской средой чаще всего подразумевается рационализированный и обобщенный образ поселения в целом или простран-

ство, доступное непосредственному восприятию и контролю со стороны жителей.

Если город – это субъект человеческой деятельности, предполагающий наличие культуры, то согласимся с суждением Л. Г. Скульмовской [8, с. 72–83]: городская среда выступает как «много-слойный историко-культурный текст, где “текст” означает дискурсивное единство, обладающее многосмысловой структурой и служащее целям хранения и передачи социально значимого содержания». Таким образом, город является одновременно носителем культурной информации и элементом культуры повседневности современного человека.

Мы же, в свою очередь, обращаем особое внимание на неоднозначную природу городской среды, которая далее будет рассматриваться нами в двух аспектах:

– как *текст* – средоточие культурной информации, элемент культуры повседневности современного человека, идущего-бегущего-едущего среди немалого количества скульптур, соразмерных самому человеку;

– как *контекст* – как собственно материальная среда современного города, которая есть активный регулятор бытия человека, в том числе и интересующего нас его внешнего вида.

Совершенно очевидно, что человек является субъектом воздействия на городскую среду. Он задает направления улиц, строит здания, определяет их функцию. И этот же человек, очевидно, является субъектом восприятия всего, что находится/пребывает в статике либо в динамике на улицах и площадях города.

«Человек массы» в городской среде: про-хожий и скульптурные объекты

В известной работе 1920-х гг. «Пути изучения города как социального организма» Н. П. Анциферов предлагает несколько модусов понимания-восприятия города, его души, его образа. Это и взгляд с «вышки», позволяющий воспринять панораму. Это и взгляд извне, тоже, по возможности, с возвышенности, дающий восприятие «в профиль». Это и взгляд, рожденный динамикой физического приближения от окраины к центру. Это и взгляд, основанный на понимании исторической динамики, воплощенной в физическом облике города. Упомянуты даже значимые для человека, воспринимающего город и фиксирующего впечатления от его облика, запахи и звуки.

Особое внимание Анциферов уделяет стилю города, который связывает с исторически сло-

жившимися художественными особенностями материальной, а именно архитектурной среды. Упомянется, естественно, и язык города, наименования улиц, площадей, «клички» отдельных ареалов. По сути дела, рассмотрев и обобщив многие варианты постижения образа города, исследователь вплотную приближается к интересующей нас проблеме постижения городской микросреды, существующей, так сказать, «в масштабе человека», будь то обыденная личность прохожего или человека, а то и другого существа, запечатленного в относительно небольшом масштабе застывшей фигуры-скульптуры. И вот уже, казалось бы, вплотную подходит исследователь к антропологической проблематике и проблематике повседневности...

Говоря об «элементах города», Анциферов относит к ним «воду» и любые водоемы, «зелень», включая парки, далее – рукотворное пространство, а именно площади и примыкающие к ним улицы. На последних отмечает тротуары, даже дождевую канализацию, фонарные столбы, трамвайные пути. Далее – будки, киоски, тумбы. Даже вывески, тем более – памятные доски. Часы и скамейки, ящики для мусора, заборы и решетки, разумеется мосты и триумфальные арки... И вот, наконец, кажется, ученый приблизился к интересующей нас проблеме – скульптуре в городской среде: «Гораздо более выразительным (*по сравнению с памятными досками*. – Т. 3.) со всех точек зрения элементом улицы, имеющим значение напоминания о личности или событии, является, конечно, уличный монумент – *памятник*. Само название определяет его назначение. Но ввиду того, что памятники представляют собой многочисленные явления духовной культуры, они будут рассмотрены в последнем разделе» [1, с. 75].

На самом же деле ни памятникам, ни, тем более, иным, так называемым малым скульптурным формам развернутых упоминаний у Анциферова места не нашлось. Образовалась, по крайней мере в его замечательно стройной градоведческой концепции, лакуна, которая взыскует заполнения в силу изменившихся особенностей самой городской среды.

Современные исследования позволяют имплицитно обозначить важную и достаточно опасную в нравственно-психологическом и социокультурном смыслах ситуацию: человек массы утрачивает связь с целостной городской средой, воспринимая ее фрагментарно, выборочно, что вполне соответствует принципам действия массового сознания.

Так, жители современных городов воспринимают крупные скульптурные формы – памятники – как незначительный фон, хотя прежде памятник был маркером городской среды и ее истинной достопримечательностью.

Свидетельство такой деформации восприятия мы находим в материалах исследования «Человек в современной российской провинции», проведенного авторским коллективом ученых ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Нескольким сотням респондентом был задан вопрос о том, какой город и памятник какому историческому персонажу изображены на российских денежных купюрах. В случае с купюрой в 1 000 рублей 80 % респондентов верно указали город (Ярославль) и лишь чуть более 50 % исторический персонаж (Ярослав Мудрый). И это при том, что памятник Ярославу Мудрому почти четверть века стоит на одной из центральных площадей города, хотя, по нашему мнению, расположен некорректно, с точки зрения жителей: развернут лицом к Московскому проспекту – к Москве, но спиной к пешеходам, движущимся по периметру площади Богоявления. Показательно и драматично с точки зрения характеристики «человека массы» то, что ответ на вопрос об историческом персонаже-памятнике отсутствовал в 45 % анкет применительно к Ярославу Мудрому (1000 рублей) и в 48 % анкет применительно к Петру I (500 рублей).

Но «свято место пусто не бывает», поэтому в сознании «человека массы» крупные скульптурные формы, памятники, маркирующие историческую память, заменяются в ходе формирования городской среды другими – более мелкими (в прямом и переносном смысле) скульптурными произведениями.

Городская среда, формировавшаяся спонтанно и вобравшая эстетические тенденции и социально-бытовые влияния нескольких десятилетий (а то и эпох), зафиксировала место пребывания статичных фигур в хаотически динамичной толпе. Зимой и летом, торопливо пробегая по делам или медленно фланируя в мнимой праздности, одиноко или в компании люди внедряются в городскую среду, чаще всего не отдавая себе отчета в отношении особенностей своей коммуникации. Исследования показывают, что точное местоположение названных статичных фигур (скульптур), детали облика людей или иных существ, «остановленных» в толпе, люди массы фиксируют неотчетливо и уж точно неосознанно.

Особенностью присутствия скульптур, не являющихся памятниками и внедренными в толпу,

является их положение на перекрестках либо буквально «на ходу». Они возникают на пути следования толпы или отдельных людей с заметной долей неожиданности, как если бы прохожие встретили просто ненадолго остановившегося другого прохожего. Элемент спонтанности придает таким скульптурам качество «человека массы», противоположное традиционной оппозиции «профанное» (обыденное) – «сакральное» (предназначенное для увековечения). Формат скульптур, позы персон, антураж/детализация/аксессуары – все работает на имплицитно утверждаемую идею единства толпы и отдельного человека, в конечном счете – «человека массы» в его живой физической телесности и скульптурной зафиксированности.

В отличие от *памятников*, так или иначе соответствующих традиции увековечения облика и образа жизни выдающихся людей, *городские скульптуры*, внедренные в толпу, форматируются и обеспечиваются связью со средой по образцу обыденной личности. Если памятник М. Врубелю в Омске актуализирует принцип отторжения человека от городской среды, он развернут к городской среде вполоборота, так, что художник, приподнятый над землей на незначительную высоту, выглядит грустно удаляющимся от мира и задумчиво оглянувшимся на этот мир в сомнении и недоумении, – то памятники С. Рахманинову в Новгороде Великом и Л. Собинову в Ярославле открыты городской среде с подкупающей и устрашающей беззащитностью. При этом Врубель имеет двойной постамент, где, кроме традиционной «подушки»-многогранника, использован мотив лестницы в никуда. Фигура, миновав первую ступень, правой ногой стоит на второй ступени, левую уже занесла на третью и последнюю; движение в сторону от толпы продолжается и одновременно обрывается в соответствии с представлениями все той же толпы о трагическом безумии художника. Фактически фигура Врубеля противопоставлена толпе позой: городу (и миру) обернута спина, голова вполоборота, левой щекой, дает возможность увидеть характерные детали прически, бородку, но взгляд устремлен мимо толпы.

Рахманинову и Собинову придана та самая «третья точка», какой в парадном «Медном всаднике» Э. Фальконе стала змея, соединенная с хвостом коня. Позы и композитора, и певца, лишены парадной репрезентативности, несмотря на то, что обе фигуры фронтально развернуты на улицу. Они не стоят, как многие, прежде всего, писатели на известных памятниках, значительно приподнятых

на постаментах, и не сидят, как, к примеру, Чайковский перед Московской консерваторией или Достоевский в Старой Руссе. Они присели или, если угодно, прислонились – Рахманинов к спинке садовой скамьи, Собинов к перилам беседки.

Таким образом, люди-скульптуры получили своего рода защиту, тыл, точку опоры, которая не столько обособляет их от толпы, сколько объединяет с нею и включает ее в сферу воздействия музыкантов. Характерной особенностью всех названных скульптур (художник, композитор, певец) является отсутствие аксессуаров, обозначающих сферу их деятельности. В отличие от странного взмаха дирижерской палочки сидящего (на улице!) Чайковского, все названные персонажи-скульптуры включены в толпу «как бы обычных» людей; разве что Собинову придана не только накидка, но и цилиндр, которые можно прочесть не только как одежду самого артиста, но и как элементы театрального костюма одного из его выдающихся персонажей – Ленского. Впрочем, во все экзотичным для толпы современного города другим знаменитым персонажем певца, Лознгрином, скульптура все же Собинова не представила, что соответствует названной тенденции интеграции человека-памятника в обыденную городскую среду.

Однако практика установки памятников выдающимся согражданам сегодня получила такой же иронический модус, как и практика создания иных скульптурных фигур. Апофеозом ироничности представляется карликовая фигурка стоящего на улочке Архангельска – то ли гномик на детской площадке, то ли гротеск-крючок для зонтов и сумок. Оказывается – нет, это стоит в длинном пальто и шляпе, опираясь левой рукой на трость, замечательный беломорский сказочник Семен Писахов, а о его правую ногу, выгнув спину и задрав хвост, трется скульптура-кот. Но недаром был упомянут крючок для зонтов, ибо правая ладонь писателя развернута ребром и приготовлена... ну, если не для зонтов, то для пожатия, которым скульптуру прохожие и берут, буквально через одного, особенно если вечером, не торопясь, гуляют по улочке. А рост скульптурного памятника, не увеличенный постаментом, вместе со шляпой, – примерно до виска обычному мужчине с его 170 сантиметрами.

Судя по сделанным нами наблюдениям, традиционные понятия «малая городская скульптура» или «жанровая скульптура» применяются для тех объемных изображений, которые воплощают не человека в его реальной обыденности, и, скажем

человека же, но литературного персонажа, либо животное. Чаще всего в качестве таких арт-объектов, робко внедрившихся в городскую среду для забавы толпы, оказываются так сказать вторичные существа – персонажи ранее созданных произведений. Так, на перекрестке в Самаре восседает на бочке с русским почему-то словом «порох» и взмахивает пивной кружкой Швейк. На торгово-пешеходной улице в Саратове, под часами и прямо на земле, в рост не более 185 сантиметров, с пиджачком, перекинутым через правое плечо стоит тот самый, очевидно, холостой парень, каких много, согласно песенке, на улицах Саратова. А под навесом невзрачного домика в центре Ярославля, где снимались многие отечественные кинофильмы из жизни «простых людей», почти спрятались сантехник Афоня и его друг штукатур Коля, отчасти даже похожие на актеров Куравлева и Леонова из фильма Данелии.

Вымышленные скульптурные персонажи весьма разнообразны, это, если угодно, обобщенные «образы» – что люди, что животные.

Среди людей преобладают носители определенных профессиональных или социально-демографических признаков. Как говорят завязтые путешественники, сантехник в каске, вылезающий из канализационного люка или просто высунувшийся из него этак передохнуть, удобно опершись об асфальт широко развернутыми локтями, есть в нескольких городах. Мы увидели этого сантехника в Омске, на одной из центральных улиц, где тротуар не так уж широк, чтобы неподготовленный прохожий мог беззаботно пройти мимо: есть шансы если не споткнуться, то, по крайней мере, недоуменно отпрыгнуть от человеческой головы или плеча, на которые едва не наступили, заглядевшись в витрину соседнего магазина.

Особую социально-демографическую группу персонажей, присутствующих в среде северных – это надо подчеркнуть особо – городов, составляют по-летнему одетые девушки. Одна, сбросив стоящие рядом туфли и откинувшись на парапет набережной, сидит на берегу реки Волховы в Новгороде Великом, где так вот, под открытым небом загорать можно неделю, от силы десять дней в году. Другая вольготно развалилась на скамеечке с ажурной спинкой у стены кафе в Ярославле. Пикантность позы девушки, рядом с которой на скамейке можно присесть не одному, а даже двум соседям, придает не только название кафе (текст вывески воспроизводим ровно в том виде, какой она имеет над входом): «AM-ster-дам». Визави от

скульптуры находится... Казанский девичий монастырь, отреставрированный и возвращенный в стены прежде располагавшегося там же Планетария. Что научно-просветительское учреждение, что религиозная обитель – в равной степени «органичны» в соседстве с откровенно скабрёзной вывеской и фигурой-скульптурой под нею. Впрочем, прохожие, идущие под стенами монастыря, могут не заметить девушку на скамейке, ибо отделены от нее плотно движущимися по проезжей части машинами. А те, кто пробегают мимо скамейки, могут не поднять глаза над монастырской стеной и, соответственно, не заметить золоченые купола обители. Как и многое в городской среде, здесь все видится в разных ракурсах и обладает, в соответствии с этими ракурсами, разными смыслами.

Некоторые «нечеловеческие» скульптуры, присутствующие в городской среде, известны широко. Чижик-пыжик, сидящий на жердочке над водами Фонтанки в напоминание о старой песенке; котенок с улицы Лизюкова, аукнувшийся из одноименного мультфильма и поселившийся вместе с агрессивной вороной на чугунном, как и сами котенок с вороной, дереве в Воронеже. Среди животных следует отметить совершенно особую, на наш взгляд, не отличающуюся особыми эстетическими свойствами, но имеющую социально-нравственный смысл, снимающий привычное ироническое отношение к выставленным на всеобщее «посмотрение» безответным и, по сути, безжизненным фигурам. Это касается того, что можно назвать памятником тюленю на набережной Северной Двины в Архангельске. Приходится признать, что гуляющая по набережной публика видит издали либо хвост, свисающий с относительно невысокого постамента, либо усатую голову тюленя, приподнявшегося на наклонной плоскости и этим похожего на цирковое животное. Отсюда – та ирония, о которой было упомянуто выше: мол, что это за каменный цирк? И только услышав от жителей-патриотов либо от экскурсовода рассказ о спасительном, хотя и обладающем неприятным запахом, тюленьем жире, благодаря которому архангелогородцы выжили во вторую военную зиму (ибо в первую, 1941–1942 гг., умирали от голода, принимая и провожая иностранные конвои, от грузов которых им ничего не доставалось), прохожие понимают, что перед ними именно памятник, а не просто скульптурное изображение животного. Ибо есть даже надпись на постаменте: «*О, сколько ты народа спас от голода и холода*».

Скульптура, еще столетие назад являвшаяся искусством в полном смысле, теперь становится частью городской толпы. И, чтобы толпу не смущать и не раздражать, не только безымянные или укорененные в массовом сознании как его часть люди с этой толпой смешиваются, но даже памятники великим и знаменитым творцам буквально «опускаются» на землю: постамент статуй исчезает, рост *персон* приближается к росту обычных *прохожих*. Как это и свойственно массовой культуре, разрушается дистанция, исчезает духовная, а не только материальная иерархия – форм, ценностей, явлений.

«Человек массы» в городской среде: *street fashion*

«Человек массы» в среде современного города – это не только прохожий, соотносимый со статичными фигурами скульптур. Это тот, кто собою воздействует на других таких же прохожих и формирует среду своим психофизическим обликом. И вновь сошлемся на мысль Н. П. Анциферова, для которой человек был естественной и неотъемлемой частью городской среды: «Совершенно особую задачу при изучении “души города” составляют вопросы, освещающие *психологию населения*, создавшуюся под воздействием тех условий, которые определяют особенности его анатомии и физиологии. В нашем быту мы постоянно встречаемся с характеристиками горожан той или другой местности. Москвич, ярославец, одесит, петербуржец – все это понятия, которые употребляются весьма часто; каждый употребляющий их вкладывает в эти выражения вполне определенное содержание» [1, с. 147].

В нашем исследовании присутствует такая компонента, как человек с его социально-культурными характеристиками. Мы, в соответствии с современными реалиями культурной жизни, рассматриваем взаимодействие города и человека, погруженного в его среду, а именно выражение их взаимоотношений в таком внешнем проявлении, как *street fashion* и поведение человека в окружающей его пространственно-культурной среде.

Далее мы будем понимать *внешний вид человека* как выражение его индивидуальных социальных, биологических и социально-биологических характеристик в costume. Основными элементами его внешнего вида, с которых происходит «считывание» социально-демографических и социокультурных особенностей человека, мы полагаем возможным считать составляющие, описанные А. В. Конево [5]:

обувь, аксессуары, головные уборы, косметика и парфюмерия. Главным предметом анализа в случае с человеком в городской среде – субъектом *street fashion* – является непосредственно сама одежда (понимаемая в широком смысле). Понятие *street fashion* означает непосредственно уличную моду, проявляющую себя в уникальных комбинациях элементов внешнего вида человека в городской среде.

Городская среда влияет на человека, в первую очередь, как среда окружающая, к которой необходимо адаптироваться. В процессе адаптации к условиям городской среды человек прибегает к некоторым условным установкам общества и нормам этикета.

Естественно, что город задает человеку условные рамки бытования, движения, коммуникации. Городская среда и каждая отдельно взятая ее зона имеет свой набор правил, зачастую лишь условных, и человек может выразить свою причастность к ней, приняв эти правила. Здесь мы обращаем внимание на важную тенденцию – стремление и готовность человека выглядеть по-разному в различных зонах города. В таком случае внешний вид человека может рассматриваться как способ выражения принадлежности его к данной городской среде (или противопоставления ей) через дресс-код или соблюдение условных установок общества.

Современный человек следует моде, потребляя символы (власти, статуса, определенного стиля и т. д., которые выражаются в одежде, обуви, аксессуарах) и подражая идолам массовой культуры в пользовании модным дизайном. В основу подражания на уровне массового сознания ложится не копирование модного образа, а заимствование модного дизайна, стиля, актуальных образцов. При этом совершенно естественным становится их совмещение как особенность современной культуры постмодерна.

Находясь в среде города, человек обыкновенно занят каким-либо социальным действием. Зачастую о его сути несложно догадаться по одежде. Жизнь человека поделена на время суток, где каждому времени соответствует определенная социальная роль или набор ролей. Утром и вечером – в так называемые часы пик, город насыщен людьми, идущими на работу или с нее. Рассеянный взгляд, сжатые на ручках или ремне сумки (висящей через плечо, но охраняемой от возможных покушений в равнодушно-агрессивной толпе), похожие друг на друга рубашки-футболки-блейзеры либо шапки-бейсболки-парки-куртки (в

зависимости от времени года) – единый маркер людей среднего достатка, передвигающихся с помощью общественного транспорта либо пробегающих от личного автомобиля до служебного подъезда несколько десятков или даже сотен метров. Во внешнем виде таких людей читается дресс-код компании, стиль официальный или классический, при этом принадлежность к сфере науки, образования, культуры в определенной степени раскрепощает «человека толпы» в отношении следования определенным и визуально заметным на улице принципам.

Несмотря на отмечаемые дизайнерами одежды и аксессуаров изменения в цветовых пристрастиях жителей российских городов, яркие и контрастные элементы достаточно редки в облике «человека массы». Если же появляются такие элементы, то толпой они воспринимаются с изумлением и даже агрессией. И это при условии, что люди-исключения отчетливо корреспондируют с манекенами и другими изображениями в витринах магазинов и на рекламных билбордах (Невский проспект в Санкт-Петербурге, Кузнецкий и прилегающие к нему улицы в Москве).

Внешний вид человека в часы досуга полностью противоположен обозначенному выше. В наше время он ничем не ограничен, а горожане даже в миллионниках или других достаточно крупных (южных) городах могут уподобиться отдыхающим на пляже (низ – «бермуды» или шорты, верх – майки на несколько размеров больше нужного или укороченные «топы», обувь – шлепанцы-сланцы). В основном люди проводят досуг в городских районах с преобладанием природных элементов, таких как дворы, парки, прогулочные зоны, в этом случае, как и для выгула собак, прогулок «у песочниц» с детьми, подбирается одежда, которую можно назвать *рекреационной*.

Внешний вид, выражающий принадлежность к какой-либо религии, иногда говорит и о профессии: так, на улице можно распознать священника. Особенно популярным символом религиозной принадлежности среди христиан является ношение нательного креста, который часто путают с ювелирным украшением в форме креста и который может быть виден в разрезе декольте, цепочка может быть надета поверх ворота или футболки.

Выражение биологических характеристик предполагает сознательное или бессознательное выражение человеком в своем внешнем виде собственного возраста.

Что касается выражения людьми такой биологической характеристики, как возраст, здесь мы имеем дело с двумя противоположными тенденциями. Некоторые дети и подростки выбирают одежду, которая своим видом подражает одежде взрослых. Юные барышни, актуализируя винтажные тенденции, могут едва ли не карикатурно «старить» себя предметами и деталями, которые были в моде в период юности их мам или бабушек (фасон и покрой верхней одежды, прически, обувь подчеркивают неумение современных 15–17-летних ходить на высоких каблуках и носить длинные юбки). В уличной толпе они обращают на себя внимание не элегантно, а нелепо. Повзрослев, люди зачастую, напротив, ищут способы «омоложения». Так, дамы далеко за пределами «бальзаковского возраста» выбирают известные публике бренды, специализирующиеся на молодежной одежде, стремятся приблизить свой силуэт к подростковому, выбирают цвета, часто используемые при создании детской одежды, например, розовый. Таким образом, можно говорить о том, что люди разных возрастов стремятся приблизиться к идеальному (20–30 лет) возрасту с помощью изменения своего внешнего вида. Пытаясь слиться с толпой, они, напротив, становятся неорганичными вкраплениями в нее.

Выражение социально-биологических характеристик связано с выражением человеком в своем внешнем виде собственного реального возраста, гендерной и расовой принадлежности. Среди многих разнонаправленных тенденций *street fashion*, актуализирующих названные аспекты, должна быть отмечена характерная для полиэтнической России тенденция ношения национальных костюмов или их элементов. Последняя обычно проявляется среди населения в праздники, имеющие национальный характер, например, празднование дня Ивана Купалы. Но, как правило, в этот праздник люди стремятся покинуть городскую среду вообще, чтобы приблизиться к рекам, но если это невозможно, то такие празднования можно заметить в парковых зонах. Это свидетельствует о том, что условные правила не позволяют современному человеку активно использовать национальных костюм в пространстве городской среды.

Выражение человеком гендерной самоидентификации в современном мире практически ничем не ограничено. Постепенно происходит уравнивание между женским и мужским внешним видом путем приближения женщины к муж-

чине, как внешне, так в характере и поведении. В связи с этим неотъемлемой деталью женского гардероба, представленного у «человек массы», стали брюки (именно так, а не джинсы, которые сейчас не обсуждаются), жакеты, галстуки (некоторые женщины надевают их в офис, поскольку они зачастую являются обязательной частью дресс-кода компании). Обувь на каблучке женщины вне помещения все чаще предпочитают ботинки и кроссовки. Маскулинизация женского образа все больше усиливается и ярче всего проявляет себя на улицах мегаполиса. Масс-медиа время от времени делают популярными среди женщин силуэты мальчика-подростка – плоская грудь, узкие бедра.

Выражение мужчинами своей гендерной самоидентификации иногда проявляется особым образом. Одним из таких случаев является день празднования Воздушно-десантных войск, когда фигуры с нарушенными пропорциями облачаются в обтягивающие тельняшки, а на облысевших головах едва держатся береты, и все это присутствует не просто на улицах или площадях, но – в фонтанах и других городских водоемах. Иногда празднование разворачивается прямо на улицах города, где бывшие военнослужащие взаимодействуют с эстетическими объектами городской среды. Несмотря на то, что праздник носит ярко выраженную гендерную направленность, зачастую его представители не подтверждают этого своим внешним видом – ни одеждой, ни фигурой.

Смешение традиционных элементов мужского и женского гардероба определяет актуальность в течение вот уже нескольких десятилетий стиля унисекс, созданного Кельвином Кляйном. Этот стиль является универсальным и подходит как для мужчин, так и для женщин. Но по набору элементов одежды в этом стиле все-таки преобладают мужские детали костюма, что подчеркивает факт закрепления феминного начала в сфере социальных практик на равных основаниях с началом маскулинным.

Таким образом, мы устанавливаем определенную зависимость внешнего вида «человека массы», пребывающего в городской среде и несущего в себе выражение социальных, биологических и социально-биологических характеристик, от типа городской среды – европейского или российского, индустриального, постиндустриального, исторического города. На качество выражения индивидуальности человека влияет культурный уровень городской среды и районы пребывания

ния/проживания/эпизодического нахождения. Наименьшим образом индивидуальные характеристики человека проявлены в рабочее время в деловых, торговых и исторических зонах города. Человек стремится к максимально проявить свои индивидуальные характеристики во внешнем виде, находясь в периферийных районах или в таких зонах, как парки, дворы, прогулочные площадки, городские сады.

Процесс взаимодействия городской среды и внешнего вида человека осуществляется при выражении социально-биологических характеристик. В качестве социокультурного модератора этого процесса выступает не просто мода в широком смысле, но именно рассматривавшиеся нами элементы *street fashion*.

Наблюдая и изучая «человека массы» в различных его проявлениях и сферах существования, мы устанавливаем несомненную взаимосвязь этого человека и среды современного города. Мы обнаруживаем и доказываем не просто зависимость человека от названной среды, но динамическую адаптацию человека и присутствие особого взгляда такого человека на среду. Помимо привычно изучаемых материальных/статичных элементов городской среды (зданий, улиц, парков, фонарей, скамеек и пр., о чем писал Н. П. Анциферов), «человек массы» сам становится и отчасти осознает себя элементом этой среды, встречая в ней своего рода *alter ego* – скульптуры, «общение» с которыми носит постоянный и взаимный характер, и других прохожих, внешним видом несущих многообразную информацию о своей жизни. *Текст* городской среды прочитывается через его основного «автора», каким мы видим «человека массы», в то время как *контекст* включает статичные и динамичные объекты, дополняющие, дублирующие и имитирующие этого человека.

Библиографический список

1. Анциферов, Н. П. Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода ; 2-е издание, исправленное и дополненное [Текст] / Н. П. Анциферов. – Л.: Сеятель, 1926. – 151 с.
2. Барт, Р. Мифологии [Текст] / Ролан Барт ; вступ. статья и комментарии С. Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
3. Вейдле, В. Умирание искусства [Текст] / В. Вейдле // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе : сборник. – М.: Политиздат, 1991. – С. 268–292.
4. Глазычев, В. Л., Егоров М. М., Ильина Т. М. и

др. Городская среда. Технология развития [Текст] / В. Л. Глазычев. – М.: Лада, 1995. – 240 с.

5. Конева, А. В. Визуальные практики моды [Текст] / А. В. Конева // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – С. 223–227.

6. Лебон, Г. Психология масс [Текст] / Г. Лебон // Психология масс: хрестоматия ; под ред. Д. Я. Райгородского. – Самара: Изд. дом БАХРАХ-М, 1998. – С. 5–130.

7. Орлова, Э. А. Городская среда как культурно-эстетическое явление [Текст] // Эстетическая культура / рук. авт. колл. Н. И. Киященко. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 172–193.

8. Скульмовская, Л. Г. Городская среда как субстрат культуры города [Текст] / Л. Г. Скульмовская // Город в пространстве культуры региона: общее и особенное: монография / Л. Г. Скульмовская. – СПб.: Изд-во ИНФО-ДА, 2004. – С. 72–83.

9. Фрейд, З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» [Текст] / З. Фрейд // Фрейд З. «Я» и «Оно» : в 2 кн. – Тбилиси: Мерани, 1991. – Кн. 1. – 398 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Anciferov, N. P. Puti izuchenija goroda kak social'nogo organizma: Opyt kompleksnogo podhoda ; 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Текст] / N. P. Anciferov. – L.: Sejatel', 1926. – 151 s.

2. Bart, R. Mifologii [Текст] / Rolan Bart ; vstup. stat'ja i kommentarii S. N. Zenkina. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1996. – 312 s.

3. Vejdle, V. Umiranie iskusstva [Текст] / V. Vejdle // Samosoznanie evropejskoj kul'tury XX veka: mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshhestve : sbornik. – M.: Politizdat, 1991. – S. 268–292.

4. Glazychev, V. L., Egorov M. M., Il'ina T. M. i dr. Gorodskaja sreda. Tehnologija razvitija [Текст] / V. L. Glazychev. – M.: Lad'ja, 1995. – 240 s.

5. Koneva, A. V. Vizual'nye praktiki mody [Текст] / A. V. Koneva // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – № 3. – С. 223–227.

6. Lebon, G. Psihologija mass [Текст] / G. Lebon // Psihologija mass: hrestomatija ; pod red. D. Ja. Rajgorodskogo. – Samara: Izd. dom BAHRAH-M, 1998. – С. 5–130.

7. Orlova, Je. A. Gorodskaja sreda kak kul'turno-jesteticheskoe javlenie [Текст] // Jesteticheskaja kul'tura / ruk. avt. koll. N. I. Kijashhenko. – M.: IF RAN, 1996. – С. 172–193.

8. Skul'movskaja, L. G. Gorodskaja sreda kak substrat kul'tury goroda [Текст] / L. G. Skul'movskaja // Gorod v prostranstve kul'tury regiona: obshhee i osobennoe: monografija / L. G. Skul'movskaja. – SPb.: Izd-vo INFO-DA, 2004. – С. 72–83.

9. Frejd, Z. Massovaja psihologija i analiz chelovecheskogo «Ja» [Текст] / Z. Frejd // Frejd Z. «Ja» i «Ono» : v 2 kn. – Tbilisi: Merani, 1991. – Кн. 1. – 398 с.